

Наполеон Бонапарт в борьбе с антифранцузскими коалициями: стратегия и тактика в политике императора французов (1799–1814 гг.)

Длительная борьба наполеоновской Франции со своими противниками, которые постоянно объединялись в коалиции, требовала от Наполеона Бонапарта выработки особенной стратегии и тактики для победы над своими врагами. Поэтому борьба с антифранцузскими союзами, с которыми Наполеону пришлось иметь дело на протяжении всей политической деятельности, стала одним из доказательств его продуманной силовой политики.

Создание антифранцузских коалиций в конце XVIII – начале XIX в. не было чем-то исключительным в истории Европы. Большинство войн континентального и мирового масштаба готовилось и проводилось военно-политическими коалициями. Главные события в Европе XVIII в. происходили, как правило, в условиях столкновений различных коалиционных объединений государств: война за «испанское наследство» (1701–1714 гг.), Северная война (1700–1721 гг.), война за «австрийское наследство» (1740–1748 гг.), Семилетняя война (1756–1763 гг.). В международно-правовом плане деятельность коалиций базируется на двустороннем или многостороннем договоре. Что касается цели их создания, то можно согласиться с мнением русского военного исследователя В. Воронцова, который считал, что «военная коалиция создается для общих действий с целью разрешения общих политических, экономических и военных задач, изменения соотношения сил путем создания перевеса одной стороны над другой»¹. При этом предусматривается, что это необязательно прямое военное вмешательство. Это могло быть и экономическое или финансовое вмешательство, или провозглашение так называемого нейтралитета, что вело бы к существенному изменению соотношения сил.

Особенностью антифранцузских коалиций была не их исключительность, а новые качественные параметры: во-первых, никогда за такой короткий период не создавалось столько коалиций в Европе (семь за 23 года)²; во-вторых, эти

коалиции в той или иной мере охватили почти все страны Европы; в-третьих, все они были направлены как против революционной Франции в принципе, так и против наполеоновской империи в частности. И как следствие этих и ряда других обстоятельств противостояние приобретало все более бескомпромиссный и практически необратимый характер.

Эти особенности в первую очередь объясняются влиянием Французской революции конца XVIII в., которая не только изменила социально-экономические и политические устои Франции, но и стала стимулом для последующего мирового развития. Прежде всего, это свержение монархии и провозглашение республики (сентябрь 1792 г.), что способствовало подъему антифеодальной борьбы в других странах. «Декларация прав человека и гражданина» и другие документы революции³, лозунг «Свобода, равенство и братство», провозглашенные в Париже, воспринимались повсюду как начало новой эры, эры свободы. Поэтому для европейских монархов Франция стала очагом революционного пожара, который угрожал охватить всю Европу.

Чтобы не допустить распространения в мире «революционной заразы» и восстановить во Франции монархию, в правительственных кругах государств Европы под влиянием французской роялистской эмиграции возникла идея об общем вооруженном вмешательстве во внутренние дела Франции. Так, в 1790 г. на Рейхенбахском конгрессе благодаря усилиям английской дипломатии был подписан договор между Пруссией и Австрией⁴. Во имя борьбы с революцией они объединились вопреки всем противоречиям, которые существовали между этими государствами. В частности, речь шла об общих действиях Пруссии и Австрии, направленных на оказание помощи французскому королю, и к этому призывались другие монархии Европы⁵. 7 февраля 1792 г., реализуя эту декларацию, габсбургская монархия и Пруссия заключили военный союз против Франции⁶. Так возникла первая антифранцузская коалиция (1792–1797 гг.). На протяжении 1792–1793 гг. благодаря активной дипломатической деятельности Англии она начала приобретать более значимые масштабы. Как подчеркнул известный российский исследователь А. Егоров, на протяжении последующих

десятилетий, начиная с 1793 г., Англия стала «душой, умом, банкиром, главным организатором и постоянным участником всех антифранцузских акций»⁷. В 1793 г. к коалиции присоединились Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и целый ряд мелких немецких и итальянских государств. Формально к коалиции присоединилась и Россия, однако длительное время она воздерживалась от участия в военных действиях против Франции. Вполне объективной на наш взгляд, является оценка ситуации в Европе, данная К. Меттернихом, одним из выдающихся дипломатов XIX в. Перечисляя в одном из своих первых официальных документов факторы, которые определили в последнем десятилетии XVIII в. характер европейских международных отношений, он на первое место ставит французскую революцию и «превращение одной из главнейших монархий в республику»⁸.

Однако ограничить анализ причин, которые способствовали созданию антифранцузских коалиций только их антиреволюционной, антиреспубликанской направленностью было бы непростительной ошибкой. Превращение молодого генерала Бонапарта в первого консула, а через пять лет – в императора французов означало возобновление монархии (правда, в виде новой династии). Но, несмотря на определенную монархическую окраску власти Наполеона, борьба против него европейских государств продолжалась, создавались новые коалиции. Дело в том, что французская революция лишь обострила уже существующую систему межгосударственных противоречий. Это в первую очередь касается отношений между Великобританией, которая, начав промышленную революцию, претендовала на роль мирового гегемона, и Францией, которая еще до революции и тем более после нее пыталась укрепить свои пошатнувшиеся геополитические позиции. Французская буржуазия, используя революционные лозунги, хотела добиться господства в Европе. Однако в то время Франция по своему развитию заметно уступала Англии. Последняя отвоевала практически все французские и голландские колонии, а также часть испанских. Таким образом, английская корона превратилась в самую крупную колониальную и морскую державу мира (стала «владычицей морей»),

практически не имевшую достойных соперников⁹. Поэтому естественно, что Франция хотела компенсировать свои территориальные потери на Европейском континенте и в колониальном мире, а это не могло не войти в противоречие с геополитическими планами таких государств как Великобритания, Австрия и Пруссия.

Эти намерения нашли свое достаточно полное отображение во внешнеполитической борьбе Франции за так называемые естественные границы.

Концепция естественных границ как оправдание внешнеполитической экспансии разрабатывалась французской политической мыслью еще в XVII в., но реальные черты она приобрела только во время революции 1789–1799 гг. В сжатом виде сущность этой концепции была изложена в Конвенте 31 января 1793 г. Ж. Дантоном, одним из выдающихся деятелей французской революции. «Я утверждаю, – подчеркивал он в своем докладе, – что зря высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон горизонта: со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев*. Границы нашей республики должны заканчиваться в этих пределах и никакая сила на земле не помешает нам достичь их»¹¹. Идеологическим обоснованием осуществления концепции естественных границ были революционные лозунги братства и свободы для всех народов. Так, в декрете от 15 ноября 1792 г. Конвент предлагал «братскую помощь» всем народам в борьбе за свое освобождение. А в декрете от 15 декабря 1792 г. объяснялось, на каких условиях эта братская помощь будет предлагаться. Согласно ст. 5 этого декрета, национальным комиссарам предлагалось договориться с местной властью «относительно мероприятий, которые необходимы для обороны и для обеспечения обмундированием и продовольствием войск республики, для покрытия убытков, которые нанесены или будут нанесены жителям этих территорий»¹². Так революционными лозунгами провозглашалась политика

---

* Это утверждение созвучно с теорией «естественных границ Франции», оформленной кардиналом Ришелье в его завещании, где, в частности, было сказано следующее: французские границы проходят вдоль Пиренеев, Альп и Рейна¹⁰.

ведения войны за счет присоединенных стран и территорий, к которой обращались генералы Республики и в первую очередь сам Наполеон Бонапарт. Ярким примером этого может быть его обращение к войскам накануне похода в Италию: «Солдаты, вы раздеты и плохо питаетесь, правительство вам много задолжало и ничего не может дать. Я поведу вас в самые плодородные равнины мира. В вашей власти будут богатые провинции и большие города, вы найдете там почести, славу и богатство»¹³.

Именно во время Итальянской кампании генерала Бонапарта, который после нее стал одним из главных исполнителей и творцов внешней политики Директории, выразительно проявились захватнические планы правящих кругов французского общества, произошло перерастание «справедливых войн» молодой республики в прямые агрессивные действия, которые были направлены на утверждение французского господства в Европе. Понимание Наполеоном «естественных границ» Франции приобретало со временем все более пространное значение. С полем побед в Италии через Адриатику его взгляд достигал Египта и простирался дальше на Восток. Вот как охарактеризовал внешнеполитические планы Наполеона задолго до того, как он стал императором французов, автор монументального труда «Европа и французская революция» А. Сорель: «Французское господство в Германии, полный контроль над Швейцарией и Италией, включая Венецию и Пьемонт, проникновение на Балканы (Котор и Рагуза), налаживание связей с Албанией, Северной Грецией, Боснией и Герцеговиной, овладение Мальтой и Египтом»¹⁴. Такая оценка подтверждается самим Наполеоном. В письме к Ш. Талейрану он предполагал поделить Германию на восемь государств, среди которых одно нужно создать на севере Германии, присоединив к нему Гамбург, Бремен, Любек. Эти государства должны были обеспечить безопасность Франции¹⁵. А по свидетельству Лас Каза, уже свергнутый император признавал: «Согласно моей схеме, Англия природой была обречена стать простым дополнением Франции. Природа создала ее одним из наших островов, подобно Олерону или Корсике»¹⁶.

Беспредельные геополитические планы властелина Франции не могли не вызвать соответственной реакции европейских государств – его действия постоянно провоцировали создание все новых и новых антифранцузских коалиций.

В антикоалиционной борьбе Наполеоном довольно часто использовалась такая форма экспансии как создание «дочерних республик» – ряда марионеточных государств, подчиненных Франции протекторатов, вассальных королевств и княжеств. Начало созданию дочерних республик положила еще Директория. Договор с Батавской республикой, созданной на землях Голландии, подписанный в Гааге в мае 1795 г., установил фактически полную зависимость голландцев от французов¹⁷. Положение дел не изменилось и с превращением в 1806 г. этой республики в Голландское королевство.

Вместе с тем император французов расширил тактику Директории. В 1801 г. в Швейцарии была восстановлена Гельветическая республика (создана Директорией из частей Швейцарии), а в Италии – Цизальпинская (образована в 1797 г. на территории Северной и Центральной Италии), преобразованная в 1805 г. в Итальянское королевство. За 1805–1810 гг. дополнительно были созданы Рейнская конфедерация (1806 г.), Неаполитанское (1806) и Вестфальское (1807 г.) королевства, Великое герцогство Варшавское (1807 г.), Иллирийские провинции французской империи (1809 г.)¹⁸. Как отметил известный специалист по русско-французским отношениям времен Наполеона Бонапарта академик А. Вандаль: «С самого начала он (Наполеон. – О.З.) задумал стройную систему. Первой его мыслью было создание на месте Германии во всю ее длину от Рейна до Вислы, ряда государств, зависящих от Франции... Наконец, в конце этой непрерывной линии великое герцогство Варшавское – которое можно было бы составить из польских провинций Пруссии»¹⁹.

Этими мерами Наполеон пытался разрешить ряд задач в антикоалиционной борьбе: во-первых, вновь созданные государственные образования были своеобразными защитными буферами между Францией и другими государствами Европы; во-вторых, финансы, которые Наполеон

выкачивал из этих государств, шли на обеспечение всех его военных кампаний; в-третьих, решалась проблема комплектации армии, ведь войска, которые вынуждены были выделять «союзные» государства, поступали в непосредственное подчинение Наполеона и вели боевые действия в составе французских войск; в-четвертых, этими мероприятиями он пытался обеспечить Францию союзниками, предупредить их возможное присоединение к антифранцузским силам; в-пятых, этим маневром Франция противопоставила подчиненные ей страны враждебным государствам, что способствовало их разъединению, мешало общим действиям, расшатывало уже созданные коалиции.

Конечно, не было никакой гарантии, что вновь созданные «независимые» страны долго удержат свой статус. Этот статус нарушался самим Наполеоном, который легко шел на присоединение целых территорий непосредственно к Франции, откровенно осуществляя внешнюю экспансию за счет даже «союзных государств».

Внешнеполитическая экспансия Французской республики проявилась уже во времена Директории. Установление французского господства над всей Италией, Швейцарией и Голландией, захват Мальты, экспедиция Наполеона в Египет (1798–1801 гг.) сильно обеспокоили европейские государства, особенно Англию и Австрию. Австрия вследствие войн с Францией (конец XVIII в.) лишилась значительных своих территорий, ее престиж как одной из ведущих европейских держав заметно пошатнулся. Англия, в свою очередь, утратила некоторые позиции в Средиземноморье, что стало угрожать ее коммерческим интересам.

Поэтому неудивительно, что именно эти государства были постоянными участниками всех антифранцузских коалиций.

Сущность коалиционной борьбы против Франции проявилась уже при создании второй коалиции (1798–1802 гг.). Ее цель была изложена в русско-английском договоре от 18 декабря 1798 г.: наиболее действенными мероприятиями положить конец успехам французского оружия, заставить

Францию возвратиться к дореволюционным границам и тем самым вернуть в Европу мир и политическое равновесие²⁰. Это положило начало новой войне Франции практически со всей Европой, в которой у Наполеона уже были не столько исполнительные, сколько руководящие функции.

Став первым консулом, Наполеон понимал опасность борьбы со всей Европой и поэтому начал вести активную антикоалиционную политику. Главным при этом было использование, с одной стороны, традиционно существующих противоречий между участниками антифранцузских блоков или создание новых; а с другой – сохранение постоянного страха монархической Европы перед «непобедимой» французской армией. Антикоалиционные действия властителя Франции, по словам выдающегося русского историка С. Соловьева, были направлены на то, чтобы путем переговоров не давать государствам вступать в союзы, расстроить коалицию, разъединять интересы держав и сокрушать их силы поодиночке²¹.

Можно утверждать, что борьба с антифранцузскими коалициями стала стратегической задачей всей внешней политики Наполеона. Она определялась его главной внешнеполитической концепцией – установлением гегемонии Франции в Европе, а в перспективе и в мировом господстве. Именно коалиции стали на пути имперских амбиций Наполеона Бонапарта.

Главным звеном антикоалиционной борьбы Наполеона стало противостояние с Англией, которое определялось первоочередностью англо-французских противоречий в системе международных отношений того времени. Недаром Наполеон еще в 1798 г. провозгласил: «Война с Англией до смерти! Всегда – до тех пор, пока она не будет уничтожена»²².

Известный специалист в сфере международных отношений наполеоновской эпохи Э. Дрио в своем фундаментальном труде «Наполеон и Европа» отметил, что тема английского золота была обычной для прокламаций, которыми Наполеон поддерживал огонь «горящего французского патриотизма»²³. И в определенной мере наполеоновская пропаганда была права, потому что именно вокруг Англии формировались все антифранцузские силы.

Возникает естественный вопрос, каким образом Наполеону удавалось на протяжении 15 лет успешно противостоять объединенным силам европейских стран во главе с могущественной Англией? И тут необходимо признать не только военные таланты императора французов, но и его большую осведомленность в дипломатии, умение проводить активную наступательную внешнюю политику. Поэтому изучение методов и средств внешнеполитической деятельности Наполеона Бонапарта рассматриваемого периода приобретает исключительное теоретическое и практическое значение.

К методам внешнеполитической антикоалиционной деятельности властителя Франции надо прежде всего отнести его понимание существующих между крупными европейскими государствами противоречий и умение использовать их для своей пользы. Ведь таким образом император французов мог получить преимущество, что и происходило раньше в войнах против революционной Франции. Межгосударственные противоречия существенно влияли на действия всех коалиций, кроме шестой (1812–1814 гг.), когда для победы над Наполеоном союзники «забыли» о соперничестве и пришли к выводу, как подчеркнул известный американский исследователь Р. Осгуд, что «ни одно европейское государство не может чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока не будет ликвидирована угроза со стороны Франции и не восстановится равновесие»²⁴.

Соответственно, англо-русские и российско-австрийские противоречия стимулировали разрушение второй коалиции (1800 г.). Вследствие этого Россия фактически вышла из коалиции, и Австрия осталась наедине с Францией. Как известно, в ходе военной кампании 1800 г. французские войска нанесли ряд тяжелых поражений австрийским армиям, после чего габсбургская монархия вынуждена была в феврале 1801 г. подписать весьма невыгодный для себя мир в Люневилле²⁵. После выхода из коалиции Австрии и России, вследствие многих как объективных, так и субъективных причин, Англия вынуждена была пойти на сепаратные переговоры с Францией, в результате которых 27 марта 1802 г. в

Амьене был заключен мирный договор между Французской республикой и ее союзниками, с одной стороны, и английской короной – с другой²⁶.

Большую «услугу» наполеоновской дипломатии оказывали и австро-пруссские противоречия относительно роли этих государств в немецком мире. То, что Пруссия не принимала участия в антифранцузских коалициях с 1795 по 1805 г. и стала на путь нейтралитета, определялось противоречиями между королевским и императорским дворами. Правда, к этому прилагались посягательства Пруссии на Ганновер и другие немецкие земли²⁷.

Определенную роль, вплоть до вторжения наполеоновских войск на Пиренейский полуостров, играли испанско-английские противоречия, вызванные захватом Англией испанских колоний в Новом Свете. Испания с 1796 г. на протяжении длительного времени выступала союзником Франции. Общеизвестно, что в битве при Трафальгаре 21 октября 1805 г. знаменитому английскому адмиралу Г. Нельсону противостоял объединенный франко-испанский флот²⁸.

Анализируя проблему антикоалиционной борьбы наполеоновской Франции, Сорель подчеркивал, что Наполеон имел цель «убить коалицию в самом ее зародыше... пытаюсь разъединить все, что стремится к объединению, сохраняя разногласия, по крайней мере столько времени, сколько ему было нужно, чтобы разбить тех, которые были вооружены, и обратить в прах других»²⁹. К тому же император французов был блестящим мастером организации противоречий между своими врагами. Так, вопрос о Мальте стал в дипломатии Наполеона одним из важнейших элементов углубления противоречий между Англией и Россией. Согласно опубликованным документам МИД Великобритании, даже при подготовке третьей коалиции вопрос Мальты был серьезным препятствием в англо-русских переговорах³⁰. И недаром адмирал Нельсон открыто говорил о существовании будто бы «секретного понимания» между Францией и Россией³¹.

Характерным для политики Наполеона было «дарение» различных территорий в Европе одним государствам, чтобы вызвать недовольство других.

Так, согласно Кампо-Формийскому миру (декабрь 1797 г.), генерал Бонапарт разделил Венецию между Францией и Австрией³², что вызвало возмущение многих стран Европы. Захватив Ганновер (1803 г.), император французов во время подписания франко-прусских союзных договоров (декабрь 1805 г., февраль 1806 г.) «дарил» его Пруссии, что надолго обострило прусско-английские отношения³³. Вместе с тем на переговорах с Россией французская сторона часто предлагала разделить европейские владения Оттоманской Порты между Российской империей и Францией³⁴. Хотя эти предложения постоянно отклонялись российской дипломатией, однако известия о них, с одной стороны, ухудшали российско-турецкие отношения, а с другой – российско-австрийские, так как монархия Габсбургов явно не хотела усиления позиций России на Балканах³⁵. Указанный пример ярко свидетельствует о «двойственности» политики, которая была присуща дипломатии Наполеона. С одной стороны, в Константинополе его представители выдавали себя за гаранта существования Османской Империи, а с другой – император французов подталкивал Россию к экспансии в Турцию. Так, по свидетельству известного французского специалиста в истории международных отношений Э. Буржуа, Наполеон писал Александру I во время Тильзитских переговоров: «Турецкая империя не может дальше существовать»³⁶.

Маневры наполеоновской дипломатии относительно раскола коалиций были наиболее эффективны во время существования первых коалиций. Союзники так и не смогли разработать четкие планы общих действий против французской армии. Несогласованные, часто запоздалые действия войск союзных государств не могли оказывать серьезное сопротивление стремительным, массированным и маневренным ударам французов. Это особенно заметно на примере третьей (1805 г.) и четвертой (1806–1807 гг.) коалиций, когда габсбургская монархия и Пруссия начали войну против Наполеона, в то время как войска России были на подходе к предполагаемому театру боевых действий.

Таким образом, наполеоновская дипломатия гармонично дополняла военное могущество Франции. Ее деятельность была построена на использовании таких «силовых» методов воздействия как угрозы, ультиматумы, шантаж, вероломство. Именно с их помощью Наполеон создавал реальную военную угрозу или представления о ней для давления на страны, которые входили в антифранцузские коалиции. В то же время император французов пытался заключить союз с вероятными противниками, т.е. перевернуть идею коалиций наизнанку³⁷, как подчеркнул один из многочисленных биографов Наполеона Бонапарта проф. А.З. Манфред. Тем не менее налаживание Францией эпохи Наполеона союзнических отношений с другими странами следует понимать с определенными оговорками. Ведь эти «союзнические» отношения, как правило, превращались в вассальные: или сами союзники становились частью французской территории в пределах «естественных границ» Франции, или на королевских тронах Европы появлялись представители семьи Наполеона или его маршалы.

В общей сложности император французов значительно шире и активнее подходил к вопросу о привлечении союзников среди активных участников антифранцузских коалиций, чем это делала Директория. Он желал, как писал Вандаль, «сближаться с одним из главных дворов, все равно с каким бы то ни было, и приобрести наконец союз с сильной державой, который был ему нужен, чтобы господствовать на континенте и победить Англию»³⁸. Отсюда исходят поиски в 1800 – начале 1801 г. союза с Россией, который Наполеон планировал использовать для удара по Англии³⁹. Обосновывая такой курс, первый консул писал в Люневиль брату Жозефу, что в «данной ситуации мир с австрийским императором ничто в сравнении с союзом с Россией, что поможет укротить Англию и сберечь нам Египет»⁴⁰.

Но в тот момент этого союза не удалось достичь, так как он противоречил геополитическим планам России. Как известно, русско-французский союз был заключен вопреки российским национальным интересам под давлением

наполеоновской дипломатии в 1807 г. в Тильзите⁴¹. Однако его действие не было продолжительным и вообще не оправдало надежд Наполеона.

В 1802–1803 гг. наполеоновская дипломатия, играя на противоречиях Австрии с немецкими курфюрстами, привлекла на свою сторону такие немецкие государства, как Бавария, Вюртемберг и Баден. С ними были заключены союзнические соглашения. Таким манером Наполеон выбил оружие из рук коалиции, лишив ее надежды на создание единого фронта немецких стран. Кроме того, этими действиями ему удалось изолировать Австрию и «укротить» Пруссию⁴². Тем же целям служили союзные договоры, заключенные Францией с Пруссией (февраль 1812 г.) и габсбургской монархией (март 1812 г.)⁴³. Но эти соглашения (союзы, договоры) были кратковременными и нестойкими, потому что заключались под «силовым давлением» французской дипломатии, за действиями которой всегда стояла мощь французской армии. Кроме того, Наполеон, очевидно, не желал видеть какой-либо союз равноправным. Он считался только со своими интересами и никогда – с интересами союзников. Так, несмотря на союзнические отношения с Испанией, Наполеон вероломно отобрал у нее Луизиану, а впоследствии, используя военную силу, посадил на испанский престол своего брата Жозефа⁴⁴.

Одним из способов достижения выгодного для себя соотношения сил в дипломатической борьбе императора французов были попытки заключения династических браков. Однако не всегда они были удачными. Как известно, Россия просто отказала ему.

Одной из причин отказа, которая, как впоследствии выяснилось, и стала решающей, была позиция самого Александра I, поддержанная его матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной и антифранцузской группировкой при царском дворе. Там считали, что Наполеон де-юре – самозванец и изгой на троне. Этот акцент в российской историко-государственной традиции послужил решающим доводом в отказе русского императора дать разрешение на брак «безродному» французу с членами одной из самой почитаемых династий⁴⁵. Брак же с эрцгерцогиней Марией-Луизой,

дочерью австрийского императора, как показало время, не помог императору французов найти верного союзника. Австрия практически бойкотировала Наполеона во время российской кампании 1812 года, а спустя некоторое время после разгрома французской армии в России перешла на сторону вновь созданной антифранцузской коалиции.

Таким образом, главными средствами борьбы Наполеона с антифранцузскими коалициями следует считать использование существующих или создание новых противоречий среди участников коалиций, раскол их рядов, привлечение на свою сторону потенциальных участников коалиций с помощью силы и задействование вооруженной мощи. Но эти антикоалиционные действия имели успех только в кратковременной перспективе. Наполеоновская дипломатия смогла лишь отсрочить (оттянуть) создание коалиций, а не их возникновение вообще.

Имея тактические победы в антикоалиционной борьбе, император французов в итоге проиграл саму идею социальной революции, возвращенное им же понятие гипертрофированной монархии, так называемой в современном нам мире «либеральной» диктатуры, а также из-за нереальных стратегических задач и расчетов (в нынешних условиях своего рода позиция геополитического господства) – установление с помощью силы, в первую очередь военной, гегемонии Франции в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воронцов В.Г. Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976. С. 3.

² См.: Карев В.М. Антифранцузские коалиции // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 27.

³ См.: Захер Я.М. Французская революция в документах, 1789–1794. Л., 1926. С. 50–52, 63–67; Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П.Н. Голонзы. М., 1957. С. 250–282.

⁴ См.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Сост. Ю. Ключников, А. Сабанин. М., 1925. Ч. 1. С. 1–2.

⁵ См.: Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1892. Т. 2. С. 194–222.

⁶ Там же. С. 289–329.

⁷ Егоров А.А. Англия – организатор антифранцузских коалиций на континенте: От начала Великой французской революции до 1801 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

⁸ Memoires of Prince Metternich, 1773–1815. / Ed. by Prince Richard Metternich. Transl. from Germany by A. Napier. N. Y., 1881. Т. 1. P. 265.

⁹ См.: История Европы. М., 1994. Т. 4. С. 448–454, 456; Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005. С. 121–131; Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М., 2002. С. 313–363.

¹⁰ См.: Bourgeois E. Manuel historique de politique étrangère. P., 1925. Vol. 1. P. 26.

¹¹ Дантон Ж.-Ж. Избр. речи. Киев, 1924. С. 27.

¹² Международная политика новейшего времени в договорах... Ч. 1. С. 18–19.

¹³ Наполеон. Избр. произведения. М., 1956. С. 52.

¹⁴ Сорель А. Указ. соч. СПб., 1906. Т. 5. С. 189.

¹⁵ Napoléon Bonaparte. Correspondence inédite officielle et confidentielle de Napoléon Bonaparte avec les cours étrangères, les princes, les ministres et les généraux français et étrangers, en Italie en Allemagne et en Egypte. P., 1819. P. 361–362.

¹⁶ Las Cases Le Mémorial Sainte-Hélén. P., 1895. Vol. 1 P. 414.

¹⁷ См.: Legrand L. La révolution française en Hollande. P., 1894; Nabonne B. La Diplomatie du Directoire et Bonaparte: D'après les papiers inédits de Reubell. P., 1951. P. 109–116.

¹⁸ См.: Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 123–124, 140–142, 145; Он же. Возникновение Вестфальского королевства // Вопросы германской истории и историографии: Сб. науч. ст. Днепропетровск, 1975. Вып. 3. С. 108–117; Он же. Рейнский союз и Пруссия в 1813 // Новая и новейшая история: Межвуз. науч. сб. ст. Саратов, 1977. С. 105–113; Международная политика новейшего времени... С. 77–78; Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980.

С. 48–55; *Марков В.* Иллирийские провинции Наполеона // Французский ежегодник. М., 1993. С. 163–164.

¹⁹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-рус. союз во время первой империи. Ростов/Д., 1995. Т. 2. С. 112.

²⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9/10. С. 418–425.

²¹ *Соловьев С.М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия. М., 1995. С. 9–10.

²² *Correspondence de Napoléon I-er/ par L'ordre de l'empereur Napoléon III.* P., 1862. Vol. 10. P. 100–101.

²³ *Driaault E.* Napoléon et l'Europe. P., 1912. Vol. 2. P. 114.

²⁴ *Осгуд Р.* Ограниченная война. М., 1960. С. 93.

²⁵ См.: *Дипломатический словарь.* М., 1950. Т. 2. С. 81.

²⁶ Там же. М., 1948. Т. 1. С. 72–74.

²⁷ *Driaault E.* La vraie figure de Napoléon. P., 1930. С. 338.

²⁸ См.: *Танстолл Б.* Морская война в век паруса, 1650–1815: Сражение великих адмиралов. М., 2005. С. 405–419.

²⁹ *Сорель А.* Указ. соч. СПб., 1908. Т. 7. С. 136.

³⁰ *Mackesy P.* The War in the Mediterranean, 1803–1810. Cambridge, 1957. P. 45.

³¹ *Ibid.* P. 46.

³² См.: *Poniatowski M.* Talleurand et le Directoire. P., 1982. P. 367–368; *Дипломатический словарь.* М., 1950. Т. 1. С. 730.

³³ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. (Далее – ВПР): Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая, 1801–1815. М., 1963. Т. 3. Прим. 32, 104, 148; *Сироткин В.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003. С. 94–98;

³⁴ См.: ВПР. М., 1965. Т. 4. С. 558–563; История внешней политики России, Первая половина XIX в. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 64, 67–69; Балканские исследования. Вып. 18: Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 180, 185.

³⁵ См.: ВПР. М., 1967. Т. 5. Прим. 282; *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 473–475; История внешней политики России... С. 82–89.

³⁶ *Bourgeois E.* Op. cit. P., 1926. Vol. 2. P. 292.

³⁷ *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 586.

³⁸ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. 2. С. 30.

³⁹ См.: Дипломатические отношения России с Францией в эпоху Наполеона I / Под ред. А. Трачевского. Т. 1: 1800–1802 // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1890. Т. 70. С. 1–2, 24–25, 38–39; *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 293–329; *Соколов О.* Аустерлиц: Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805. М., 2006. Т. 1. С. 50–63.

⁴⁰ *Memoires et correspondance politique et militaire du roi Jogerph Bonaparte.* P., 1853. Vol. 1. P. 193.

⁴¹ См.: ВПР. Т. 3. С. 642–646. *Сироткин В.Г.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 110–121.

⁴² История внешней политики России... С. 47; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 400.

⁴³ См.: *Recueil des traités de la France / Publ. par de Clerc.* P., 1864. Vol. 2. P. 354–356, 369–372; ВПР. М., 1962. Т. 6. Прим. 343; *Шедивы Я.* Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 151–152.

⁴⁴ См.: *Хозер П.* Жозеф Бонапарт (1808–1813) // *Испанские короли/* Под ред. В.Л. Бернекера и др. Ростов н/Д, 1998. С. 291.

⁴⁵ См.: ВПР. Т. 5. Прим. 212; *Вандаль А.* Указ соч. Т. 2. С. 477–490; Т. 3. С. 170–205, 226–237, 259–264; *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968. С. 86–89; *Искюль С.* Внешняя политика России и германские государства... С. 215–216.